

Президентские выборы во Франции и электоральные процессы в странах Европейского союза в 2017 г.

25 апреля 2017 г. состоялось заседание Группы ситуационного анализа ИАНИОН РАН, посвященное теме «Президентские выборы во Франции и электоральные процессы в странах Европейского союза в 2017 г.». В ситуационном анализе приняли участие д.полит.н. Д.В. Ефременко, к.и.н. Т.Г. Пархалина, проф. МГИМО (У) МИД РФ, д.и.н. Е.О. Обичкина, вед. н. сотр. Сектора экономики европейских стран ИМЭМО РАН, д.э.н. М.В. Клинова, д.полит.н. Н.Ю. Лапина, н.сотр. Отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН, к.полит.н. П.П. Тимофеев, д.полит.н. Ю.Г. Коргунюк, д.э.н. С.Н. Смирнов, к.и.н. О.Н. Новикова, к.соц.н. А.М. Понамарева, к.полит.н. Ф.О. Трунов, к.соц.н. А.Ю. Долгов. Модератором дискуссии выступил заместитель директора по научной работе ИАНИОН РАН, д.полит.н. Д.В. Ефременко.

Результаты первого тура президентских выборов во Франции многие эксперты оценивают как беспрецедентные: впервые в истории Пятой республики две крупнейшие партии, управлявшие страной почти четыре десятилетия, – социалисты и правоцентристы – оказались за бортом электорального процесса. Означает ли это, что мы стали свидетелями «новой французской революции», по образному выражению британской *Daily Mail*, и триумфа «антисистемных» политиков? Насколько определение «антисистемный» применимо к наиболее вероятному победителю президентской гонки – 39-летнему Эммануэлю Макрону, лидеру движения «Вперед»? Нас также интересовало, как формировался выбор избирателей в ходе первого тура и как будет происходить реформирование политического пространства в ближайшем будущем.

Влияние на настроения избирателей традиционно оказывают базовые факторы, связанные с социально-экономическим положением страны, уровнем безопасности, тенденциями массового сознания. В 2007 г. во Франции разразился экономический кризис, переросший в длительную стагнацию, которая не завершилась и сегодня. Прошедшие годы отмечены ростом безработицы: в 2017 г. она охватила 10% экономически активного населения, больше всего от безработицы страдают молодые французы (каждый четвертый не имеет работы). Страх потерять работу, а после террористических атак - и проблемы безопасности все больше волнуют граждан страны.

На таком неблагоприятном фоне возросло недоверие французов к традиционным политическим партиям и политикам, которым не удается решать стоящие перед страной проблемы. Опросы свидетельствуют: подавляющее большинство французов не испытывают доверия к политическим партиям (89%), депутатам (55%), действующему президенту (75%).

В обществе усилились депрессивные настроения: усталость (29%), мрачность (25%), недоверие (31%). Люди перестали верить, что улучшится их собственная жизнь, жизнь их детей и в целом положение в стране.

В ходе первого тура за Э. Макрона, лидера движения «Вперед», подали свои голоса 24,01% избирателей, за лидера ультраправого «Национального фронта» М. Ле Пен – 21,3%, за кандидата правоцентристской партии «Республиканцы» Ф. Фийона -20%, за лидера ультралевого движения «Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшона – 19,5%. Результаты голосования с полной наглядностью подтвердили глубину раскола французского общества. Этот раскол имеет множество измерений: социально-экономическое, географическое, ценностное. За М. Ле Пен голосовали жители депрессивных регионов, небольших городов, периферийных и сельскохозяйственных районов, за Э. Макрона – жители динамично развивающихся районов и больших городов - Парижа, Бордо, Лиона. «Национальный фронт», как и в 2012 г., вновь подтвердил статус первой рабочей партии (за М. Ле Пен проголосовали 37% рабочих). Ее поддерживают

люди с невысокими доходами, все те, кто не видит радужных жизненных перспектив. Социальный профиль избирателей Э. Макрона диаметрально противоположенный: за него голосуют обеспеченные французы, с уверенностью смотрящие в будущее, нашедшие или надеющиеся найти свое место в глобализирующемся мире.

Особую роль в 2017 г. играл и ценностной раскол французского общества. Условной точкой невозврата на пути превращения Пятой республики в «разделенное в самом себе общество» стало принятие в 2013 г. законопроекта о легализации однополых браков, состоявшееся вопреки тому, что изначально было очевидно, что часть граждан *никогда* не примирится с этой реформой. Сегодня Франция консервативных ценностей противостоит тем, кого принято называть «прогрессистами».

Другим важным фактором раскола и поляризации общественных настроений явилось возрастание террористической угрозы, которая связана с радикальными исламистскими группировками. И здесь появились новые линии раскола. С одной стороны, многие французы-мусульмане, до недавних пор стремившиеся встроиться в республиканский проект (57% из них в 2012 г. голосовали за Ф. Олланда) возмущены неспособностью действующей власти сдерживать «волну исламофобии», которая, на их взгляд, поднялась во Франции в связи с террористическими атаками. В известном смысле можно утверждать, что политические элиты и СМИ не только направляли, но также взрастили общественное негодование через навязывание одномерных противопоставлений между друзьями и врагами: ин-группой респектабельных граждан и аут-группой несущих угрозу «других». Стигматизация представителей мусульманских иммигрантских сообществ порождает радикализацию этих людей, приводит их к сознательному отказу от республиканских ценностей светского государства, выраженных в известном девизе «liberté, égalité, fraternité». Все чаще в этой среде раздается критика в отношении «разложившегося западного общества», с которым мусульманскому сообществу не по пути. С другой стороны, возникает еще один тип радикализации: избиратели, традиционно поддерживавшие Французскую социалистическую партию (ФСП) - учителя, часть госслужащих, работники социальной сферы, в особенности те из них, кто проживает в этнически гетерогенных кварталах - переметнулись к сторонникам «Национального фронта» М. Ле Пен.

В контексте разрушения традиционных ценностных ориентиров и ослабления общественной безопасности политические институты, сформировавшиеся в иных исторических обстоятельствах, становятся менее эффективными. На протяжении долгого времени противостояние «левого» и «правого» лагерей разворачивалось на фоне социального консенсуса относительно признания либеральных ценностей и рыночной демократии как незыблемых столпов европейского государства всеобщего благоденствия, к которому разными путями шли как социалисты, так и продолжатели голлистских традиций.

Под влиянием внутренних расколов французского общества и сложной социально-экономической ситуации существующее политическое равновесие во Франции было нарушено. Традиционные партии сами оказались в состоянии глубокого кризиса. «Электоральный рынок» превратился в поле битвы новых идей и ярких личностей, что наглядно продемонстрировали первичные выборы (1) левых партий, в которых участвовали социалисты (ФСП), (2) экологов, (3) правых партий с участием кандидатов от правоцентристской партии «Республиканцы». Парадоксальным образом демократическая процедура выборов способствовала обострению внутривнутрипартийного кризиса: претенденты на участие в президентских выборах в ходе дебатов были вынуждены максимально радикализировать свои позиции, что еще больше усилило внутривнутрипартийный раскол. Важно и другое: ни один из политиков, поддержанный аппаратом партии, первичные выборы выиграть не смог. Тот факт, что вперед вырвались

не аппаратные фавориты, подтвердило стремление большей части избирателей голосовать за несистемных или кажущихся таковыми политиков. В этом смысле стратегия молодого политика Э. Макрона была выигрышной: в апреле 2016 он создал свое движение «Вперед», в августе 2016 г. покинул пост министра экономики, позже отказался от участия в первичных выборах левых партий. Тем самым ему удалось дистанцироваться от непопулярной команды уходящего президента, а также избежать отождествления с традиционной партийно-политической системой, вызывающей стойкое неприятие французов.

Спровоцированный экономическим спадом кризис модели государства всеобщего благоденствия означает сужение возможностей проведения реформ. Система породила два противоположных по сути ответа на этот вызов. Речь идет о сворачивании социального государства (проект Ф. Фийона) или совершенствовании этой модели, корректировке существующих механизмов движения по пути социального прогресса (проект Ф. Олланда и в определенной степени - Э. Макрона). В силу того, что Э. Макрон не является официальным представителем ФСП, от него можно ожидать проведения реформ нелиберального характера, хотя и более социально ориентированных, чем те, которые мог бы осуществить Ф. Фийон, призывавший французов «потуже затянуть пояса».

В качестве третьего, альтернативного варианта преодоления кризиса социальной модели ЕС в 2017 г. появились проекты Б. Амона и Ж.-Л. Меланшона, предполагающие разрыв с существующей рыночной парадигмой и отказ от определения критериев эффективности и прогресса как основы рыночной экономики.

Четвертый вариант выхода из вышеописанных «ножниц» социального государства в эпоху кризиса представляет правопопулистский «Национальный фронт» М. Ле Пен, требующий закрепления в Конституции прав коренных французов. Фактически партия предлагает «поделить пирог между своими, оттеснив от стола чужаков».

Обращение к содержанию политической риторики правых популистов переводит нас в область другого раскола, подрывающего фундамент республиканского консенсуса, основанного на представлении о незыблемости прав и свобод человека. Заявляя о себе как о «кандидате народа» – «*candidate du peuple*», М. Ле Пен отказывается от неразрывности социального государства и демократической республики, т.е. той модели, которая была основой построения стран Европы в послевоенные годы. При этом радикальный разрыв с либерально-демократической традицией она стремится затушевать, подменяя его реальным, но не столь существенным для определения политической сущности самой М. Ле Пен, расколом между «пасынками» и «баловнями» глобализации.

Де-демонизация «Национального фронта» - одна из основных задач М. Ле Пен в ходе этой избирательной кампании. Эта тактика побуждает вспомнить слова Шарля Бодлера: «Самая великая уловка дьявола заключается в том, чтобы заставить нас поверить в то, что его не существует». Представляя миссию своей партии в терминах борьбы антиглобалистов с глобалистами, М. Ле Пен умело отвлекает внимание аудитории от уязвимых положений своей программы, вступающих в конфликт с принципом защиты прав человека, и придает большую респектабельность «Национальному фронту».

Противопоставляя себя представителю «баловней глобализации» – Э. Макрону, М. Ле Пен стремится осуществить разрыв с системой, «освободить нацию от оков надменной элиты». «Национальный фронт» позиционирует себя в качестве защитника всех тех, кто оказался в зоне социального неблагополучия. После первого тура президентских выборов М. Ле Пен будет пытаться переманить на свою сторону, по крайней мере, часть «осиротевшего» электората Ф. Фийона, а также часть электората Ж.-Л. Меланшона, который в социальном отношении близок ее собственному. При этом возможные перебежчики вряд ли смогут подорвать проект «Макрон+» как результат своеобразного

консенсуса, достигнутого социалистами, центристами, частью экологов и верхушкой партии «Республиканцы». В результате достигнутого компромисса лидер первого тура Э. Макрон оказался наиболее системным кандидатом, способным удовлетворить запросы разнообразных групп избирателей. Очевидно, что помешать его приходу в Елисейский дворец сможет лишь высокий уровень абсентеизма французских избирателей.

Оба кандидата заявляют о своем стремлении объединить французов. Но делают это по-разному. М. Ле Пен подчеркивает, что хотела бы объединить нацию на основе уважения к французской культуре, истории, идентичности. Она подчеркивает недопустимость «раскалывающего» общества коммунитаризма, но при этом отстаивает идею «экономического», «социального», «культурного патриотизма», преследующего деление французов на «своих» и «чужих». Комментируя ее слова, Э. Макрон отмечает, что лидер «Национального фронта» несет в себе «проект ненависти». В свою очередь он сам отстаивает идею объединения французов на основе республиканских ценностей. Его модель – это «Франция для всех», открывающая возможности перед людьми, независимо от их религиозных, культурных и прочих различий. Э. Макрон, подчеркивает М. Ле Пен, далек от народа, он представляет «европейскую олигархию», с которой связан множеством видимых и невидимых нитей. В этом, кстати, Э. Макрона обвиняют многие противники. «Энарх» (выпускник элитной кузницы кадров Национальной школы администрации, *École nationale d'administration, ENA*), идеальный функционер и успешный банкир Э. Макрон в своем проекте, по сути, сумел объединить устремления различных групп элиты, при этом декларируя намерение политическую элиту полностью обновить.

Очевидный парадокс французской избирательной кампании заключается в том, что на фоне растущего евроскепсиса и массового требования перемен побеждает и выходит во второй тур наиболее проевропейский и наиболее близкий самой непопулярной в истории Пятой республики команде Ф. Олланда кандидат. Показательно, что Б. Амон, закончивший кампанию с разгромно низким для ФСП результатом, как раз и был сторонником решительного изменения партийного курса.

В числе внешних факторов, определивших победу Макрона в первом туре президентских выборов, можно обозначить факторы Трампа, Brexit'a и России.

Результаты выборов в США заставили часть французских осознать реальность прихода правых популистов к власти и отказаться от абсентеизма перед лицом угрозы увидеть на посту президента Франции «трампообразного» политика. Многие граждане уже в первом туре придерживались принципа «полезного голосования», что в принципе нарушает сложившуюся логику: обычно в первом туре голосуют «сердцем», во втором – «разумом».

Что касается роли Франции в Европейском союзе, то на фоне пертурбаций Brexit'a слишком резкие движения по отношению к Брюсселю, кажутся многим французским избирателям не слишком заманчивой перспективой. Они видят, что британцы неожиданно для самих себя «обрели свободу», но, очевидно, не слишком удачно с ней справляются. Но в то же время даже Макрон призывает к трансформации институтов и практик Европейского союза.

Демонстративное жонглирование якобы особыми отношениями с российским лидером, неоднозначно воспринимаемым различными слоями французского общества, также не способствовало расширению списка сторонников «Национального фронта». Однако широко обсуждавшийся предвыборный визит М. Ле Пен в Москву, где она была принята в Кремле В.В. Путиным, придал кандидату правых популистов некоторый дополнительный политический вес на международной арене.

Сегодня очевидно, что вне зависимости от желания традиционных партийных элит, но в соответствии с настроениями значительной части избирателей во Франции началось

переформатирование политического пространства. Переформатирование партийно-политической системы становится практически неизбежным, хотя сам этот процесс будет достаточно длительным.

Из всех политических сил в наиболее тяжелом положении оказалась французская соцпартия, где ощущается кризис идей и дефицит лидеров. Ряд экспертов, правда, связывают перспективы возрождения ФСП с движением Э. Макрона, полагая, что именно он, а не Б. Амон был истинным кандидатом партии социалистов. В его отмежевании от утратившей популярность партии они видят «многоходовую» комбинацию Ф. Олланда, неудачно проявившего себя на посту главы государства, но идеально осуществившего операцию «преемник». Однако нет никаких гарантий, что Макрон станет инвестировать свой политический капитал в возрождение ФСП. В любом случае ФСП в ее нынешнем состоянии выпадает из «большой политики», по меньшей мере, на один избирательный цикл или более того. Но каким станет проект возрождения соцпартии, пока неясно.

За последние десятилетия правоцентристская партия «Республиканцы» заметно подпортила свой имидж в глазах французского избирателя чередой финансовых и коррупционных скандалов, в которые оказались втянуты ее лидеры. Но партия, несомненно, будет восстанавливаться после неудачной кампании 2017 г. И ей это удастся, при условии, что у партии появится новый, молодой, динамичный лидер.

«Национальный фронт» в случае, если М. Ле Пен не будет избрана во втором туре, скорее всего, продолжит свое электоральное продвижение и все больше будет встраиваться в систему республиканских политических институтов. Если ключевые проблемы современного французского общества не будут решаться в ближайшие годы, можно ожидать новых электоральных успехов «Национального фронта». Но в этой партии подрастает новое поколение политиков, одним из которых является племянница М. Ле Пен - Марион Марешаль Ле Пен, а следовательно внутренние конфликты могут получить продолжение.

Ж.-Л. Меланшон, блистательно проведший свою кампанию, в ходе которой широко использовались социальные сети и передовые цифровые технологии, уходить с политической арены явно не собирается. Задачей этого бывшего троцкиста является создание нового полюса силы на левом фланге. В ходе строительства французского аналога партии «Подemos» («Мы можем!»; исп. Podemos) им будут использоваться ошибки ФСП и левые, никуда не исчезнувшие настроения части электората.

В задачи Э. Макрона входит создание большой популистской партии, которая объединила бы левые и правые силы. Насколько сетевое образование «Вперед» сможет превратиться в настоящую партию, пока неизвестно. В этой связи также встает вопрос о политическом будущем центристского проекта, который до настоящего времени неизменно проигрывал, как не укладывающийся в институционально-политическую структуру Пятой республики. Произошедшее обрушение традиционной двухпартийной системы и возможное обновление политического класса могут изменить привычные политические схемы и дать шанс на возрождение такого явления, как политический центризм. Возможен переход от биполярной к четырехполюсной или даже многопартийной политической системе с доминированием центристских группировок по образцу парламентских Третьей и Четвертой республик. В таком случае стабильное функционирование институтов Пятой республики, созданной генералом Ш. де Голлем, окажется под вопросом.

В условиях нынешней избирательной кампании во Франции повысилась значимость парламентских выборов. Кто бы ни стал победителем 7 мая 2017 г. новый глава государства не получит на выборах в июне прочного большинства в будущем составе Национального собрания. С высокой долей вероятности президенту придется сосуществовать с премьер-министром-представителем другого политического лагеря, и

свобода его манёвра при проведении давно назревших радикальных экономических и политических реформ окажется весьма ограниченной.

Таким образом, с завершением президентских выборов «эпоха сюрпризов» во французской политике явно не заканчивается.

Президентские выборы во Франции стали важным этапом в череде электоральных кампаний, через которые проходят основные страны Европейского союза. Подводить общий итог пока рано (как минимум, нужно дождаться результатов сентябрьских выборов в Бундестаг ФРГ), но несколько предварительных выводов все же можно сделать. Прежде всего, следует избегать упрощенных оценок масштабов правопопулистского поворота в «старой Европе». Сдвиг электоральных предпочтений налицо, но пока он не привел к радикальной трансформации политической системы хотя бы одной из стран ЕС, где правые популисты заявили о себе. Соответственно, не происходит явной смены внешнеполитических ориентиров, а использование России в качестве фактора избирательной кампании следует рассматривать как весьма негативную тенденцию, свидетельствующую о масштабе деградации отношений между Россией и странами Запада. В то же время для Европейского союза наступает время перемен, несмотря на явное стремление еврократов избегать резких движений. Изменения неизбежны после Brexit'a и победы Дональда Трампа, а результаты выборов в ведущих странах ЕС послужат дополнительным стимулом для этих изменений. Вполне возможно, что электоральные процессы 2017 г. вскоре заставят говорить вовсе не о конце Евросоюза, а о растущем спросе на обновление его институциональной модели при усилении германо-французского лидерства и открытого признания принципа «Европы разных скоростей».

Информация о Междисциплинарной группе ситуационного анализа ИНИОН РАН - <http://inion.ru/swot>